

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 21

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1913

24 ОКТЯБРЯ.

Рис. Ре-Ми.

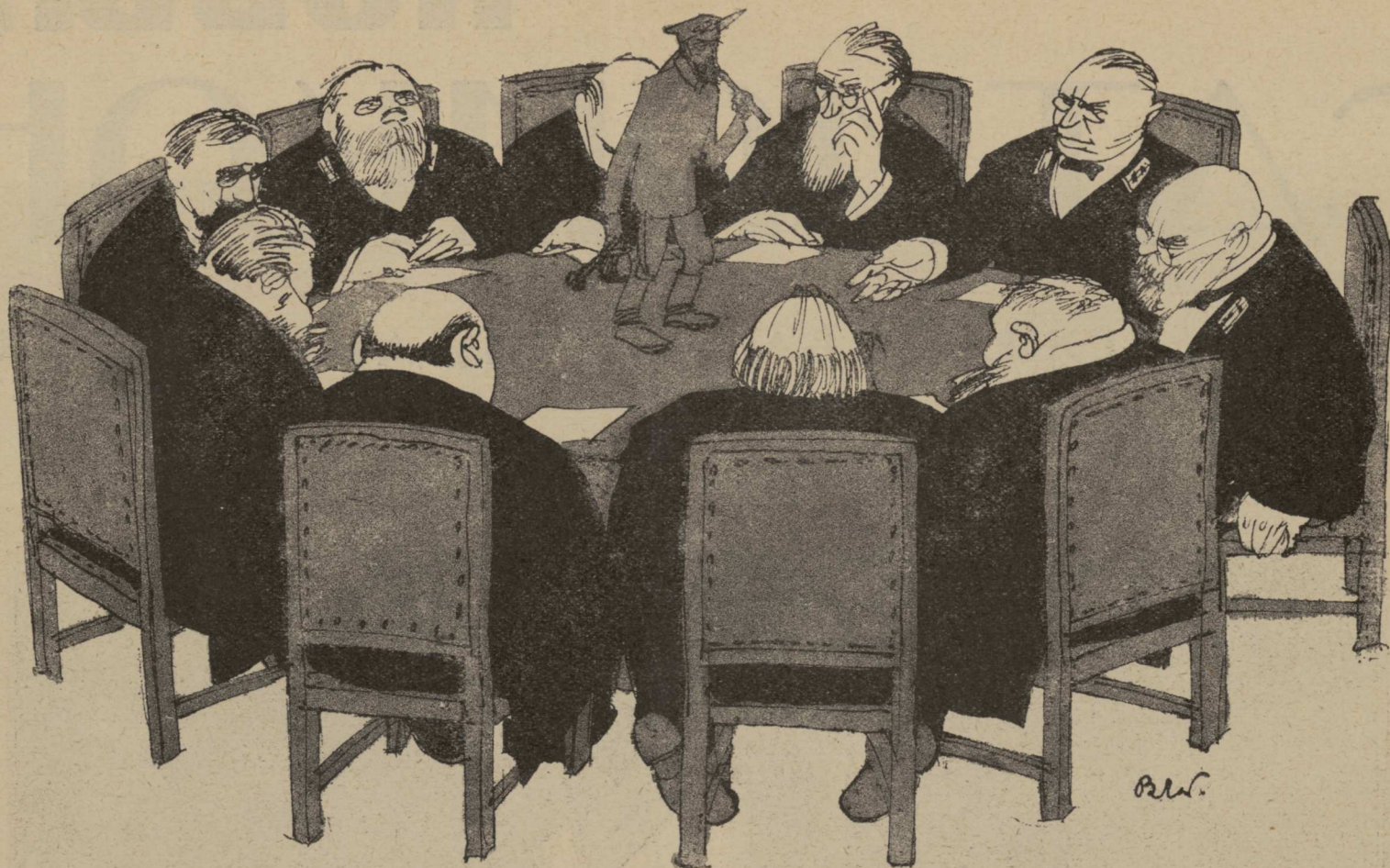

БѢГСТВО ДЕПУТАТОВЪ ИЗЪ ДУМЫ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ
намѣренъ посадить въ Г. Думѣ чиновника спе-
циально для цензурованія депутатскихъ рѣчей.

(Изъ газетъ).

Родзянко: — Господа куда-же вы? Не хорошо бѣжать изъ думы, именно въ такой моментъ, когда вы можете поднять одну изъ отраслей торговли — торговлю красными карандашами.

НЕОБХОДИМАЯ РЕФОРМА.

(Къ създу желѣзнодорожныхъ дѣтелей).

Инженеръ: — Господа! надо обратить все наше вниманіе на службу стрѣлочниковъ. Больше терпѣть нельзя! Послѣднее время они такъ отвратительно служатъ, что ужъ никто не хочетъ имъ вѣрить, что только они виноваты въ желѣзнодорожныхъ катастрофахъ.

РИТУАЛЬНОЕ.

А тамъ, во глубинѣ Россіи.

У исправника Петрова совершенно безъ причинъ
Захворала вдругъ корова и пропала кухаркинъ сынъ.
Долго бѣгали, искали — мальчикъ все не приходилъ.
Кто-то вслухъ о ритуалѣ подъ шумокъ заговорилъ.
Какъ-же: мальчикъ подходящий — православный...
семь годовъ...
Возмущенье стало чаще; кто-то плакалъ: бей жидовъ.
Тема нынче изъ любимыхъ, а виновный пойманъ
вмигъ:
На скамью для подсудимыхъ мѣтилъ мѣстный часов-
щикъ.
У него, по частнымъ слухамъ, кто-то, сидя на крыльцѣ,
Видѣлъ трупъ съ кровавымъ ухомъ, плохо спрятанный
въ мацѣ.
Дѣло шло безповоротнѣй: выяснялся ритуаль.
Мѣстный лидеръ черной сотни письма въ „Земщину“
писалъ.
Жизнь пошла безумно ярко. Вдругъ — двадцатаго
числа
Огорченная кухарка сына радостно нашла.
Никакихъ кровоподтековъ — просто кто-то носъ раз-
билъ.
На кухарку градъ упрековъ отовсюду покатилъ.
— Подвела людей и прессу... Мальчикъ къ дяденькѣ
удралъ:
Гдѣ здѣсь тема для процесса... Вотъ тебѣ и ритуаль!
Замолчали. Тихо снова. Тѣ-же люди и дѣла.
У исправника Петрова нынче теща умерла.
Глушь. Событья снова рѣдки; все покрылъ болотный
сонъ...

Только пишетъ оперетки мѣстный цадикъ Шнеер-
сонъ...

Арк. Буховъ.

ТЕЛЕГРАММЫ.

(По нашему собственному беспроволочному телеграфу).

Кіевъ. О Бейлисъ уже три дня не вспоминаютъ.
Лѣвый нижній уголъ скамьи подсудимыхъ уже затканъ
паутиной

Кіевъ. Шмаковъ сдѣлалъ доносъ на Карабчев-
скаго, обвиняя его въ томъ, что онъ чихнулъ въ мо-
ментъ произнесенія прокуроромъ словъ: „русское пра-
восудіе“.

Кіевъ. Прокуроръ утверждаетъ, что лишнія дырки
на фуражкѣ Ющинскаго были сдѣланы Бейлисомъ,
„про запасъ“. Проф. Сикорскій подтверждаетъ, что по
ритуалу лишнія дырки „про запасъ“ на фуражкѣ обез-
кровливаемого — полагаются.

Кіевъ. Прокуроръ подалъ предсѣдателю записку
о розыскѣ теленка, сына издохшей коровы, что была
у Бейлиса. Прокуроръ надѣется, что теленокъ сооб-
щитъ все слышанное имъ отъ покойницы, лично ви-
дѣвшей Бейлиса со швайкой въ рукахъ.

Кіевъ. Послушникъ лавры рассказалъ со словъ
одного кантониста, что равнины во время совершенія
ритуальнаго убійства обязаны, по ритуалу, пѣть „Хаве“,
и что евреи прибавляютъ христіанскую кровь не только
въ мацу, но и въ фаршированную шуку.

Кіевъ. Замысловскій получилъ привѣтственную те-
леграмму отъ Сашки Косога.

Кіевъ. Пранайтисъ сообщилъ, что въ древне-еврей-
скомъ алфавитѣ буква „ц“ такъ и называется „Цадикъ“.
Бейлисъ сознался въ томъ, что этого „цадика“ онъ
знаетъ съ дѣтства. Прокуроръ сказалъ: „Ага!“

Кіевъ. Пранайтисъ сообщилъ, что въ древне-еврей-
скомъ алфавитѣ кромѣ „цадика“ имѣется еще и „лан-
геръ“) -цадикъ. Бейлисъ призналъ и этого. Прокуроръ
сказалъ: „Такъ-такъ-такъ!“

Кіевъ. Выяснилось, что Бейлисъ, дѣйствительно,
какъ и утверждаетъ предсѣдатель, далъ „полное согла-“

*) Длинный.

сѣ“ на то, чтобы у него для экспертизы вырвали нѣсколько волосъ. А Сингаевскій съ Рудзинскимъ заявили: „нѣтъ нашего полного согласія“ — и у нихъ не вырвали. Въ городѣ ходятъ слухи, что этимъ положено начало „неприкосновенности личности“ на Руси.

Кіевъ. Голубевъ ходатайствуетъ о назначеніи его присяжнымъ засѣдателемъ, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что и профессора бываютъ по назначенію, и слѣдовательно, нѣтъ основаній для юстиціи не дѣлать того, что дѣлается для просвѣщенія.

Кіевъ. Прокуроръ требуетъ, чтобы приняты были мѣры противъ сѣдѣнія бороды Бейлиса, ибо — говоритъ онъ — въ случаѣ вторичнаго разбирательства этого дѣла главная улика: черная борода — пропадетъ. Для наблюденія за бородой приставленъ приставъ.

Принялъ съ аппарата:

Исидоръ Гуревичъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Свѣтлая личность.

Стенограмма допроса Замысловскимъ брата Вѣры Чеберякъ — Сингаевского:

Замысловскій: Вѣдь вы, я думаю, въ день убійства Ющинскаго были въ другомъ мѣстѣ?

Сингаевскій: О, спасибо, добрый господинъ... Да, конечно, въ другомъ.

— Ну, вотъ видите, господа присяжные засѣдатели: подсуд... гм!... я говорю — свидѣтель самъ сознается, что былъ въ другомъ мѣстѣ... Вы, вѣроятно, обкрадывали магазинъ? Да?

— О, какъ вы добры! Да, я обкрадывалъ магазинъ.

— Ну, вотъ видите, г. Карабчевскій. Это честнѣйшая личность, а вы на него нападаете...

Карабчевскій: — Да, но кража совершилась вечеромъ, а убійство — на другой день утромъ.

Замысловскій (возмущенно): — Г. Карабчевскій, г. Карабчевскій! Видно, что вы никогда не были воромъ! Неужели, вы не можете понять, что послѣ сухого дѣла, все-таки, необходимо успокоиться, отдохнуть, сбрызнуть благокою барахло, побывать въ малинѣ, предупредить шмаръ, чтобы не капали... Странно вы, господа, ей Богу разсуждаете... И на основаніи всего этого, я громогласно говорю: Нѣтъ, Сингаевскій Ющинскаго не убивалъ, нѣтъ, онъ честный работникъ, и всякій изъ насъ искренно можетъ пожать ему руку. Свидѣтель! Вашу руку! Отмычки пока можете переложить въ лѣвую...

Сингаевскому устраиваютъ авачію.

Трупь-компасъ.

„Сибирская Новь“ сообщаетъ слѣдующее донесеніе по начальству:

Сего числа усмотрѣлъ 2 трупа во ввѣренномъ мнѣ странствѣ, одинъ изъ нихъ лежитъ на протяженіи 8 верствъ, отъ деревни Кудняковой до села Чупылина, лицомъ къ востоку руками къ западу, ногами къ югу, причемъ шуба съ признаками насильственной смерти.

Второе мертвое тѣло по дознанію купалось въ рѣкѣ, поплыло вниз по теченію ю сажень, вылѣзло изъ воды, усѣлось въ кусты и здѣсь зачоченѣло.

Страшно, но весело.

Жидовское засилье.

Существуютъ анекдоты изъ еврейскаго, армянскаго и малороссійскаго быта...

А вотъ анекдотъ изъ русскаго быта:

Въ виду неразрѣшенія Георгу Брандесу пріѣхать въ Россію, нѣмецкое образовательное общество проситъ сообщить, что лекціи 12-го и 14 октября въ Тенишевскомъ залѣ не состоятся... („Биржев. Вѣд.“).

Анекдотъ...

Взрослыхъ прошу посторониться — чтобы дѣтямъ было видно.

Дѣти природы.

На дняхъ, — пишетъ корреспондентъ „Приаз. Края“, — пріѣзжалъ судебный слѣдователь для вскрытія трупа убитаго казака въ ст. Староминску.

Въ станицѣ жилъ казакъ со своею женою. Однажды мужъ захотѣлъ покушать дыню; жена полѣзла въ глубокой ларецъ-сундукъ „уважить мужа“: открыла тяжелую крышку съ замками и перегнулась было въ сундукъ, дабы достать дыню съ его глубины...

Мужу пришла фантазія закрыть жену въ сундукѣ и онъ „хлопнулъ“ крышкой и надавилъ ее такъ, что повредилъ кожу на головѣ жены. Но жена была крѣпкая особа: „Богъ помогъ“ ей извернуться, схватить кочергу и „слегка, чуть чуть“, по выраженію казачки-жены, ударить мужа кочергою по черепу... Мужъ отдалъ Богу душу...

— Мы играли... — оправдывается казачка-жена передъ судебнымъ слѣдователемъ.

Играли, играли и такъ расшалились, что одинъ слѣдался покойникомъ, другая вдовой.

РУКАВА.

Итоги банкета въ честь
„Русск. Видом.“

Академикъ Бунинъ привлекается за „оскорбленіе дѣйствіемъ“ пристава Строева. Оскорбленіе это выразилось въ томъ, что Бунинъ... взялъ пристава за рукавъ“.

(Изъ газетъ).

I.

Пристава Строева взявъ за рукавъ,
Бунинъ затѣялъ полемику.
Приставъ, глазами въ упоръ засверкавъ,
Отповѣдь далъ академику,
И, обнаруживъ чиновничій тактъ,
Въ „сферы“ потекъ за содѣйствіемъ,
Квалифицируя названный фактъ,
Какъ „оскорбленіе дѣйствіемъ“.
Что-же тутъ страннаго? Бунинъ — поэтъ,
Имя, талантъ, эрудиція...
Ну, а у пристава „имени“ нѣтъ, —
Только: мундиръ, да амбиція!
О, Россіянинъ! Твой жребій лукавъ;
Жить на Руси нужно истово.
Вѣдай: поэту нельзя за рукавъ
Трогать казеннаго пристава.

II.

Мѣру воздѣйствія вмигъ изыскавъ, —
Гордость должна быть приструнена, —
Приставъ поспѣшно повлекъ за рукавъ
„Въ Часть“ академика Бунина.
И погрузился печальный поэтъ
Въ нѣдра Россійской полиціи,
Ибо — „мундира“ на Бунинѣ нѣтъ,
Стало-быть, нѣтъ и „амбиціи“.
Умеръ въ печати подавленный звукъ, —
Тихо застылъ, какъ чахоточный...
Ибо — писателя взять за сюртукъ
Можетъ любой околочный.
Да, Россіянинъ! Твой жребій лукавъ,
Жить на Руси нужно истово...
Цѣнятся розно — поэта рукавъ
И таковой-же у пристава!

Владиміръ Воиновъ.

ГЛУБОКОМЫСЛІЕ.

(Изъ записной книжки преподавателя классической гимназіи).

„Когда къ моторному вагону трамвая прицѣпляютъ другой — не-моторный, то этотъ послѣдній называется прицѣпнымъ. Обыкновенно такіе вагоны ходятъ сейчасъ-же за моторнымъ“.

Нидефакъ.

Рис. Д. Митрохина.

ТЕАТРЪ НЕЗЛОБИНА.

Шаржи Ре-Ми.

Принцесса Турандотъ. — Китайская трагикомедія въ 5-ти актахъ и 7-ми картинахъ графа Карла Гоцци, пер. Ал. Вознесенскаго.

Вся исторія поднялась изъ-за того, что китайская принцесса Турандотъ не захотѣла выйти замужъ. Въ жизни рядового человѣка такое рѣшеніе, обыкновенно, никого не беспокоитъ, и, въ худшемъ случаѣ, окружающіе только пожмутъ плечами.

Не то получается, если дѣло коснется особъ королевской крови... Тутъ начинается такая суматоха, что ея съ избыткомъ хватаетъ на 5 актовъ и на 7 картинъ.

Отказавшись выйти замужъ, Турандотъ, однако, оставила себѣ лазейку — обѣщала выйти замужъ только за того человѣка, который разрѣшитъ три предложенныя ею загадки.

Пишущій настоящія строки объясняетъ это дѣло такъ: Турандотъ вовсе не прочь была выйти замужъ, но ей просто хотѣлось немного передъ такимъ шагомъ пококетничать, и она придумала для этого своеобразнаго конкурса такія загадки, которыя любой пригостишка рѣшилъ бы въ пять минутъ.

Она не разчитала одного — мѣстнаго уровня принцевъ, добивавшихся ея руки...

Задастъ она загадку:

— Что такое: въ немъ отражается солнце и небо, оно есть украшеніе лица, имъ можно смотрѣть, у каждаго человѣка ихъ два, а если онъ одноглазый, то оно имѣется только въ одномъ экземплярѣ. Что это такое?

— Не знаю, — откровенно говоритъ принцъ-претендентъ. — Что бы это такое могло быть?

— А ты подумай, ну?

— Не знаю, — вздыхаетъ претендентъ.

— Ахъ, не знаешь. По условію, если ты не отгадаешь загадокъ, тебѣ срубятъ голову... Палачъ! Отруби ему голову. Слѣдующій! Что это такое: маленькое, на четырехъ ногахъ, мяукаетъ, иногда царапается, ловитъ мышей и ѣстъ ихъ, имѣется почти въ каждомъ домѣ, гдѣ любятъ кошекъ, — что это такое?

— Ребенокъ? — догадывается принцъ.

— Да развѣ ребенокъ ѣстъ мышей?

— Китайскій-то ребенокъ? Сколько угодно!

— Гдѣ же у него четыре ноги?

— А если два ребенка...

— Палачъ, отрѣжь ему голову.

Нужно сознаться, что это распоряженіе имѣло большое гигиеническое и санитарное значеніе — потому что такая голова, конечно, должна быть немедленно вырвана съ корнемъ.

Такъ погибло много принцевъ... Но явился астраханскій принцъ Калафъ, который сразу разрѣшилъ всѣ загадки и потребовалъ себѣ за это принцессу (пишущій эти строки, сидя въ ложѣ, тоже сразу отгадалъ загадки, но принцессу не требовалъ — зачѣмъ она ему?).

Принцесса стала оспаривать завѣдомо проигранное дѣло, и сказалъ принцъ Калафъ:

— Теперь ты отгадай мою загадку: кто я такой?

Въ шестилѣтнемъ возрастѣ дѣти загадываютъ другъ другу загадки такого типа:

— Вотъ отгадай: что есть у моей мамы?

Конечно, никому не придетъ сказать: „возлюблен-

ный“ или „фальшивая коса“ — и догадывается малютка: Домъ? Столъ? Лампа?

— Вотъ и не угадалъ! Коробочка изъ-подъ пилюль.

Такого-же сорта загадка предложена была и принцемъ, пріѣхавшимъ инкогнито.

И глядѣлъ я на эту пьесу и думалъ: какъ мало фантазіи у китайцевъ.

Поставлена пьеса чудесно. Декораціи и костюмы Судейкина сверкаютъ, искрятся, переливаются; какъ сказочный раджа, щедрой рукой бросилъ онъ на сцену цѣлую пригоршню — бриллиантовъ, рубиновъ и изумрудовъ. Декораціи очаровательно подчеркиваютъ нереальность, сказочность пьесы, а примитивный приемъ съ перестановкой ширмъ — еще больше усиливаетъ впечатлѣніе милой полной условности сказки.

Играютъ всѣ, поскольку авторъ далъ для этого матеріалъ — хорошо. Особенно понравился въ нѣкоторыхъ интонаціяхъ Тархановъ (Панталоне). Богдыханъ (Крамовъ) шаржируетъ, не пересаливая, а Турандотъ и Калафъ умѣло маскировали ходули, на которыя поставилъ ихъ авторъ въ этихъ ходульных роляхъ.

Въ одномъ изъ прошлыхъ №№ „Нов. Сатирикона“ я плакался, — что о какомъ театрѣ ни пиши — обязательно на Сатириконца наткнешься. Трудно быть безпристрастнымъ къ своему человѣку, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, моя обязанность сказать, что переводъ пьесы безукоризненно сдѣланъ Ал. Вознесенскимъ.

Въ заключеніе считаю нужнымъ указать на одно маленькое неудобство: нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ лицъ появляются на сцену изъ публики, проходя черезъ весь зрительный залъ...

Всегда можетъ случиться, что среди зрителей найдется общительный пріятель актера... Онъ можетъ радостно остановить его, поздороваться и, задержавъ его руку въ своей — завести длинный разговоръ о театральнхъ дѣлишкахъ и объ упадкѣ сборовъ. Дѣйствіе на сценѣ, такимъ образомъ, приостановится, а публика, прислушавшись къ бесѣдѣ господина въ смокингѣ съ канцлеромъ богдыхана — потеряетъ къ послѣднему необходимое для такого сана уваженіе.

Альтоумъ — богдыханъ китайскій (г. Крамовъ).

Гарталия — секретарь (г. Гребенчиковъ).

Турандотъ — китайская принцесса (г-жа Волохова).

Панталоне — канцлеръ богдыхана (г. Тархановъ).

Калафъ — принцъ астраханскій (г. Бахметевъ).

КОНЕЦЪ ПАНСЛАВИЗМА ИЛИ ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

Рис. А. Радакова.

Германскій императоръ въ Шенбруннѣ посѣтилъ австрійскаго императора Франца-Иосифа, гдѣ оба монарха въ теченіе продолжительнаго времени бесѣдовали. (Изъ газетъ).

Русскій дипломатъ, обращаясь къ сербамъ: — Господа! главное — не шевелитесь, прикиньтесь мертвыми, и все будетъ хорошо. Орлы, какъ извѣстно, не ѣдятъ мертвыхъ.

АКТРИСА.

Разсказъ Аркадія Аверченко.

Одинъ изъ поклонниковъ драматической актрисы Синекудровой однажды, исчерпавъ всѣ темы салонныхъ разговоровъ, спросилъ ее:

— А откуда вы родомъ, Марья Николаевна?

— Ахъ, вы не повѣрите, — оживилась Марья Николаевна, заламывая руки за голову. — Изъ Калиткина! Ни болѣе, ни менѣе... Есть такой городокъ въ Юго-Западномъ краѣ... Верстъ четыреста отсюда, Ахъ, мой милый, милый Калиткинъ!

Видъ у Марьи Николаевны былъ умиленный.

— Господи! Вотъ вспомнила я о немъ — и сладко жгалось мое сердце... Дѣвочкой пятнадцати лѣтъ уѣхала я оттуда и вотъ уже не была тамъ лѣтъ двадцать... что я, дура, говорю!.. Лѣтъ двѣнадцать не была я въ этомъ миломъ городишкѣ. Да. Или десять.

— Большой городъ? — спросилъ поклонникъ.

Въ связи съ этимъ вопросомъ онъ поцѣловалъ и погладилъ руку Марьи Николаевны...

— Нѣтъ, крошечный... Вотъ такой...

— Уѣхали вы оттуда маленькой дѣвочкой, — задумчиво сказалъ поклонникъ, прикладывая губами въ связи съ этимъ замѣчаніемъ — къ розовому, какъ лепестокъ цвѣтка, локтю Марьи Николаевны. — Уѣхали маленькой дѣвочкой, а пріѣдете большой, взрослой женщиной.

Это замѣчаніе поразило Марью Николаевну.

— А вѣдь дѣйствительно! Уѣхала маленькой, а пріѣду большой...

— Если соберетесь ѣхать, возьмите и меня. И я вспомню съ вами ваше дѣтство.

И, какъ солидная казенная бумага скрѣпляется печатью, — такъ и поклонникъ подкрѣпилъ свой совѣтъ поцѣлуемъ въ плечо.

— Оставьте! На насъ смотрите. Чего-же я ни съ того, ни съ сего туда поѣду...

— А вы тамъ спектакль дайте. Какъ разъ на будущей недѣлѣ вашъ театръ сдастся на три дня подъ гастроли итальянской оперы — и вы свободны. Идея, а? Подумайте — какой шумъ будетъ въ этомъ Калиткинѣ — „извѣстная драматическая артистка Синекудрова, уроженка нашего города — даетъ только одинъ спектакль!“.

При словѣ „уроженка“ поклонникъ поцѣловалъ ладонь Марьи Николаевны, чѣмъ въ достаточной мѣрѣ подчеркнулъ многозначительность этого слова.

— Да съ кѣмъ-же я спектакль устрою?

— Господи! Да съ товарищами-же! Вѣдь они тоже свободны.

— Калиткинъ, Калиткинъ, милый мой городишка... — умиленно прошептала Марья Николаевна. — Я, кажется, на старости лѣтъ становлюсь сантиментальной. Развѣ поѣхать?

— О, солнце мое! И я съ вами!!

И впервые, вѣроятно, за все время существованія солнечной системы, съ солнцемъ было поступлено такъ фамиллярно: солнце было поцѣловано въ сгибъ руки, у локтя.

* * *

Въ пути чрезвычайно было весело: чувствовалось, что это не дѣловая поѣздка, а пріятный шумный пикникъ. И вагонъ былъ наполненъ пѣніемъ, смѣхомъ и визгомъ.

Одна Марья Николаевна по мѣрѣ приближенія къ Калиткину, дѣлалась все тише, просвѣтленнѣе и какъ-то кротко-самоуглубленнѣе.

Она всѣмъ ласково улыбалась и чувствовала себя, при этомъ, маленькой десятилѣтней дѣвочкой.

— О, какъ я васъ понимаю, — шепталъ ей увязавшій — таки за всѣми въ поѣздку поклонникъ. — Вы себя должны чувствовать дѣвочкой.

Въ связи съ этимъ онъ чмокнулъ ее въ плечо.

— Оставьте, смотрите, — лѣниво отмахнулась Марья Николаевна.

— Такъ вы-же чувствуете себя маленькой дѣвочкой, а дѣтей можно цѣловать.

Видно было, что этотъ шустрый поклонникъ зналъ тысячу разныхъ увертокъ, и ужъ его бы на этой почвѣ Марья Николаевна никогда не переспорила.

— Все-таки... нельзя же такъ цѣловаться. Что подумаютъ актеры.

— Актеры сейчасъ ѣдятъ ветчину съ горчицей, а когда актеры ѣдятъ ветчину съ горчицей — они не думаютъ.

— Ну, развѣ что. И откуда вы все это такъ хорошо знаете...

* * *

Пріѣхали около трехъ часовъ дня.

Кое-кто бросился къ извозчикамъ, но Марья Николаевна запротестовала.

— Нѣтъ, нѣтъ! Багажъ пусть отвезутъ въ гостиницу, а мы пойдемъ пѣшкомъ. Такъ пріятно окунуться въ дѣтство.

— И мнѣ тоже, — сказалъ пріютившійся сбоку поклонникъ. — И я тоже хочу окунуться.

Сдѣлалъ онъ это такъ: поцѣловалъ руки Марьи Николаевны.

И всѣ — числомъ восемь человѣкъ — побрели пѣшкомъ.

Шли сзади Марьи Николаевны, изъ уваженія къ ней немного сосредоточенные, — изъ уваженія къ ней сдерживая веселье и вѣжливо осматривая маленькіе покосившіеся домишки.

— Смотрите! — сказала поклоннику Марья Николаевна. — Вотъ на этой улицѣ я покупала сладкіе рожки. Знаете, что это такое? Рожки... Тутъ они были особенно сладкіе.

— Неужели? — удивился поклонникъ и, какъ парень не промахъ, прижалъ локоть Марьи Николаевны къ своему.

— А вотъ здѣсь меня одинъ мальчишка, когда я шла изъ училища, камнемъ въ ногу ударилъ.

— Какой подлець, — проревѣлъ поклонникъ. — Экіе каналы! Вѣшать ихъ мало! А? Какъ вамъ нравится! Камнемъ въ ногу! Ну, попался бы онъ мнѣ...

— Да, да... Мнѣ тогда было лѣтъ десять. Я еще, помню, остановилась у этого домика и — плачу, плачу, плачу, а какой-то лавочникъ вышелъ, далъ мнѣ двѣ мармеладины и успокоилъ меня.

Поклонникъ задрожалъ отъ восхищенія.

— Какой симпатичный лавочникъ! Смотрите-ка! Приласкать мое милое солнышко! Съ какимъ бы удовольствиемъ я пожалъ ему руку, этому честному торговцу.

— Ну, гдѣ тамъ... Онъ уже, навѣрное, умеръ.

— Царство же ему небесное! — прошептала поклонникъ, благоговѣнно дѣлуя руку Марьи Николаевны.

— А это вотъ домикъ, гдѣ, кажется, жилъ нашъ дьяконъ. Смотрите-ка!

— Ага... Да, да. Дѣйствительно. Хорошій домикъ. Ишь ты, какая труба!.. И дымъ идетъ. Очень мило.

— Я все боялась тутъ ходить. По этой улицѣ бродила какая-то полоумная нищенка, все прыгала на одной ногѣ и грозила мнѣ пальцемъ.

— А? Какъ это вамъ понравится, — возмущенно пожалъ плечами поклонникъ. — Вотъ она, наша полиція! Взятки брать мастераица, а что нищенство у нея подъ самымъ носомъ развернулось пышнымъ махровымъ цвѣткомъ — на это ей наплевать. Эхъ, режимъ!

На лицѣ его было написано страданіе.

* * *

Вышли на какую-то крохотную площадъ, посрединѣ которой сверкала еще не совсѣмъ просохшая послѣ дождя лужа. Площадъ была окружена маленькими каменными и деревянными домиками съ зелеными ставнями, бѣлыми занавѣсочками на окнахъ и горшками красныхъ и розовыхъ цвѣтовъ на подоконникахъ.

Толстая женщина, положивъ маленькаго мальчишку къ себѣ на колѣно, награждала его методическими шлепками.

Мальчишка, увидя показавшееся на площади пышное общество, открылъ широко глаза, впился ими въ актеровъ и совсѣмъ позабылъ, что ему нужно ревѣть.

— Ахъ, не наказывайте этого милаго мальчика, сказала Марья Николаевна. — Онъ такой хорошенькій. Какъ тебя зовутъ?

— Епишкой, — отвѣтилъ мальчикъ, воткнувъ въ ротъ палецъ не первой свѣжести.

— На тебѣ, Епиша, гривенничекъ. Купи себѣ леденцовъ! — Очень милый мальчуганъ.

По своей привычкѣ отражать всѣ чувства и переживанія Марьи Николаевны въ чудовищно преувеличенномъ видѣ, ея поклонникъ выдвинулся и тутъ.

— Очаровательный мальчикъ! Прямо таки, замѣчательный, — въ экстазѣ вскричалъ поклонникъ. — Никогда я не встрѣчалъ такихъ интересныхъ дѣтей. На тебѣ, дорогое дитя, три рубля! Купи себѣ леденчиковъ.

Марья Николаевна отошла отъ всѣхъ и остановилась въ сладкой задумчивости передъ кирпичнымъ одноэтажнымъ домикомъ съ красными покосившимися воротами и крохотной калиточкой.

— Вотъ онъ, — прошептала она подоспѣвшему къ ней юркому поклоннику, опираясь на его плечо. — Вотъ мѣсто моихъ дѣтскихъ игръ и забавъ... Вотъ на этой калиткѣ я любила кататься, схватившись за щеколду. Калитка скрипѣла, а мнѣ казалась, что это какая-то рыжая птица поетъ внутри ея. И, гугаясь этой загадочной птицы, я срывалась и бросалась къ этой кузницѣ, которая была излюбленнымъ мѣстомъ нашихъ сборищъ. Мы любили сидѣть тутъ, вотъ на этихъ палкахъ... Какъ онѣ называются? За которыхъ еще лошадей привязываютъ...

— Коновязь?

— Не знаю, право... Такъ вотъ... И кузнецъ былъ черный грубый и всегда кричалъ намъ: „Эхъ поджарю я васъ, чертенковъ!“ Но только мы его не боялись, потому что онъ былъ добрый.

— Гм! — сказалъ поклонникъ, — прямо таки это поразительно.

— А вотъ это колодецъ, видите? Я чуть въ него не свалилась однажды. Хотѣла плюнуть въ него, перевернулась и... Ахъ! А вотъ это — смотрите-ка! Въ этомъ домикѣ жила мое подруга Таша Тягина. Боже мой! Ахъ, мнѣ плакать хочется... Все, все тутъ, какъ

было... И эта будочка, гдѣ квасъ продаютъ — въ стѣнѣ, и эти деревья. Смотрите-ка, я лазила иногда къ Ташѣ черезъ этотъ заборъ, когда ее наказывали. Видите, въ саду тамъ бѣлая постройка — это баня. Ее въ баню запирали, а я къ ней лазила. Ее родители строго держали.

— Ахъ, какіе мерзавцы, — ахнулъ ревнительный, готовый на все, поклонникъ. — Повѣсить ихъ мало! Колесовать такихъ изуверовъ.

— Что вы! Они были хорошіе люди. И крыльцо такъ же осталось!.. Я помню, мы однажды свалились съ него вмѣстѣ съ Ташей, и я ударилась вискомъ о такую металлическую штуку, которой съ подошвъ грязь счищаютъ. Видите — вотъ эта штука до сихъ поръ... И даже грязь на ней засохшая... Милая грязь! А вонъ — то домикъ околочнаго. Мы его очень боялись, потому что онъ пьяныхъ билъ. А въ комнатахъ у него масса птицъ.

— А что если эта милая, эта очаровательная ваша подруга Таша — еще здѣсь, — спросилъ поклонникъ. — Нельзя ли узнать? Я бы крѣпко поблагодарилъ ее за дружбу, которую она питала къ вамъ.

— А это хорошо, знаете! — загорѣлась Марья Николаевна. — Господи! это было бы такое счастье.

Въ это время сгорбленный сѣдой старикъ показался на крыльцѣ домика, передъ которымъ столпились актеры.

— Вотъ онъ, — зашептала Марья Николаевна, хватая за руку поклонника. — Какъ онъ постарѣлъ. А вотъ изъ воротъ вышелъ ихъ работникъ Веденей. Вотъ я сейчасъ его спрошу. Эй, Веденей, милый! Узнаешь ты меня?

Чернобородый Веденей подошелъ ближе и сказалъ:

— Чего извольте? А я не Веденей даже.

— Что ты говоришь! Не могла же я забыть твоего имени. Еще ты насъ съ Ташей на лошади каталъ.

— Никакъ нѣтъ.

Сгорбленный старикъ, ковыляя, уже спустился съ крыльца и подошелъ къ компаніи.

— Что имъ угодно? Чего вы, господа, спрашиваете.

— Николай Егорычъ! Вы меня узнаете?

— Простите, вы ошиблись! Я не Николай Егорычъ. Извините-сь! Я Матвѣевъ-сь. Парамонъ Ильичъ. Извините!

— Да позвольте! Гм... Странно. Вы значить, этотъ домъ перекупили у Тягиныхъ?..

— Ничего я не перекупалъ... Самъ-сь, простите, построилъ.

— Гм! Давно?

— Сорокъ пять лѣтъ-сь уже тому.

— Ничего не понимаю! А вы Козяхиныхъ помните? Вашихъ сосѣдей!.. А? Это моя настоящая фамилія.

— Никакихъ Козяхиныхъ не знаю, — сказалъ старикъ съ нѣкоторой даже обидой въ голосъ. — Даромъ извольте говорить. Занапрасно.

— Ахъ, ты, Господи! Вѣдь моего отца вся Мельничная улица знала. Вотъ, въ этомъ красномъ домикѣ... Господи. Вѣдь это все мое дѣтство!..

— Можетъ быть, можетъ быть. А только это не Мельничная улица, а Малая Слободская.

— Не понимаю, — растерялась Марья Николаевна... Неужели? И вы все время жили въ Калитинѣ?

— Никогда-сь, сударыня, тамъ не былъ. Оно хотя Калитинъ отъ нашего Сосногорска и въ семидесяти верстахъ — а не случалось бывать.

— Такъ этотъ городъ — не Калитинъ? — спросилъ комикъ.

— Сосногорскъ, извините. Такъ ужъ онъ у насъ и обозначенъ: Сосногорскъ. Рановато, сударыня, съ поѣзда слѣзли. Еще часа два до Калитина.

Всѣ постояли съ минуту и потомъ, повернувшись, пошли къ вокзалу.

Молчали.

Аркадій Аверченко.

Рис. А. Р.

УДОБСТВО.

На прививкѣ оспы.

— Ну, вотъ видишь, дѣтка, какъ хорошо, что у тебя тутъ на кофточкѣ такая дыра... И раздѣваться не надо...

1905 г.

Рис. А. Юнгера.

— Ой, какой страшный тигрь! какими огромными прыжками онъ двигается на насъ... Что дѣлать?!
Мы пропали!!

1910 г.

— Гм!... Не такъ страшно... При извѣстномъ опытѣ, можно сдѣлать такъ, что онъ будетъ двигаться и въ то-же время оставаться на мѣстѣ.

1913 г.

— И можно даже достичь того, что тигрь будетъ двигаться и тогда, когда будетъ безопасень и для маленькихъ дѣтей.

В Д О В Е Ц Ъ.

— Ка-акъ, милостивый государь!? Вы просите руки моей дочери?! Но вѣдь вы женаты!!
— О, это ничего не значить. Я могу со спокойной совѣстью дѣлать вашей милой дочери предложение, такъ какъ жена моя въ настоящій моментъ ѣдетъ въ поѣздъ Владикавказской желѣзной дороги.

ТИХАЯ ДУША.

Рукою ласковой перебирая четки
Иль жемчугъ розовый предъ зеркаломъ надѣвъ,
Она всегда тиха, и чуждъ ей смѣхъ кокотки,
Какъ и тоскливой осени напѣвъ...

Случайно полюбивъ, она жила... прощала,
Потомъ ушла и тихо отцвѣла, —
На мѣстѣ зарева разгульнаго привала, —
Безликий день и сѣрая зола...

А передъ сномъ у заспанной божницы
Уходитъ къ Прошлomu, обласканный судьбой,
По дѣтски связанъ лентой голубой —
Прожитый день пустой, какъ небылицы...

И ей не жаль его, — ихъ семь въ одной недѣлѣ.
А годъ?... А жизнь... Безъ муки не грѣша,
Чуть теплится для чьей-то странной цѣли
Покойная и лишняя душа...

Сергѣй Михѣевъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Какой-то И. Харламовъ выпустилъ въ свѣтъ книгу „Грѣхопаденіе“ — (изд. типографіи А. С. Суворина).

Приводимъ отрывки грѣхопаденія Харламова:

— Стена, сюда! Я здѣсь, — раздался бархатистый голосокъ молодой дѣвушки, махавшей пальчиками, стоя на площадкѣ... (стр. 18).

Учитель русскаго языка долженъ былъ бы помахать пальчиками по адресу автора этой замѣчательной фразы.

„На столь пыхтылъ самоваръ, а изъ отверстія на самоварной крышкѣ паръ сердитымъ фонтаномъ выбивался наружу, тотчасъ же охлаждающійся и исчезающій изъ видимости“ (?) (стр. 26).

„Воображеніе рисовало старыя и новыя образы все слабѣе-слабѣе и слабѣе, умъ приходилъ въ состояніе нелогичности и несоразности... и въ лестныхъ (?) грезахъ онъ заснулъ“ (стр. 36).

„Исчезалъ изъ видимости“, „лестныя грезы“... Намъ извѣстны имена лицъ, писавшихъ въ содружествѣ: — Эркманъ и Шатрианъ, Братъ Гонкуры, Мельякъ и Галеви, Поль и Викторъ Маргеритъ...

Въ данномъ случаѣ, судя по слогу, писали тоже двое — Смердяковъ и Харламовъ, или Видоплясовъ и Харламовъ или Чичиковскій Петрушка и Харламовъ...

„Живые глаза, румяныя губки, маленькія ножки, обувь въ лѣтнія сандалии, все это соединилось, какъ нарочно, (?) въ одно цѣлое съ тою цѣлью, чтобы поразить воображеніе мужчины, и Протасовъ не устоялъ“ (стр. 45).

„Талія у ней была настолько тонка, что можно было обхватить ее двумя пальцами... тонкія губы, раздвоенный подбородокъ указывали на страстность, пылкость и влюбчивость ея натуры... Глаза... пронизывали васъ насквозь... въ нихъ свѣтилась... необозримость... по своему темпераменту она, однако, не принадлежала къ числу зажигательныхъ женщинъ“ (стр. 48).

„Ей снились нагяе призраки... слишкомъ нагяе“... (стр. 50).

Въ какихъ случаяхъ бываетъ человекъ „слишкомъ нагой“? Когда съ него шкуру сдерутъ, что-ли.

„Онъ упалъ на правое колено... его горячія изъ нутра исходившія слова пронеслись надъ нею, какъ лѣтняя буря съ грознымъ ланемъ“ (стр. 82).

„Воздухъ... былъ сладко пріятенъ и возбуждалъ своей пахучестью мужское обоняніе: Елена уже раздѣлась и собиралась спать...“ (стр. 104).

„На жертвенникъ любви была сожжена невинность, Елена сдѣлалась женщиной, но тотъ, кто съ ножомъ въ рукахъ пускалъ кровь изъ жертвы, могъ-ли назвать свою любовь по-другой (!??)“ (стр. 110).

— Это какъ прикажете понимать? — какъ спросилъ одинъ господинъ, получивъ пощечину.

„Онъ пересталъ мыслить отъ прилива крайняго бышества, дыханіе въ груди сперлось, голосъ изсякъ и слюня въ изобилии вырабатывалась во рту“ (стр. 254).

„Вся спина покрылась нервными болячками“ (стр. 229).

„Онъ вѣсьмъ существомъ ощущалъ тепло ея тѣла, обонялъ запахъ ея духовъ и слышалъ, скрипъ корсета при движеніяхъ, полныхъ захватывающей тайны... Горскій съ трудомъ нашелъ свое пальто“ (стр. 155).

Горскій съ трудомъ нашелъ свое пальто, но калошъ такъ и не нашелъ — ибо въ одной изъ нихъ усѣлся авторъ, а другой покрылся, чтобы не было стыдно.

По поводу поставленной въ Кіевѣ пьесы Арк. Аверченко „Старики“ какой-то Маркизь Поза пишетъ въ „Южной Копѣйкѣ“:

„Старики“ — вызвали рѣшительное недоумѣніе зрителей, попавшихъ въ одно изъ досаднѣйшихъ въ мірѣ положеній — положеніе челоуѣка, которому другой рассказываетъ яко бы смѣшную вещь и который находится въ томительномъ недоумѣніи, когда же нужно разсмѣяться?

— Пьеса эта, — пишетъ дальше Маркизь Поза, — безъ ярлыка „Аверченко“, вообще, нигдѣ въ мірѣ бы не поставленная и т. д. Петербургская газета „Театръ и Жизнь“ отвѣчаетъ на это Маркизу Позѣ:

Бываютъ разные взгляды, разные вкусы, но случается, что иногда не бываетъ ни вкуса, ни взгляда.

„Старики“ А. Аверченко — пьеса не только „нигдѣ въ мірѣ бы не поставленная“, но шедшая съ громаднымъ успѣхомъ въ Петербургѣ, въ Литейномъ театръ въ продолженіи цѣлаго сезона. Взглядъ критики на эту пьесу былъ единодушнымъ: „Старики“ были признаны однимъ изъ самыхъ тонкихъ и изящныхъ произведеній юмориста.

У кievскаго Маркиза — поза, во всякомъ случаѣ, не изъ особенно красивыхъ... Такую позу принимаютъ маркизы въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ отказали въ театральной контрамаркѣ или бросили въ редакціонную корзину присланное маркизомъ произведение.

* * *

Москва — сердце Россіи. Москва — академія русскаго языка. А вотъ программа „симфоническаго“ оркестра въ московскомъ кинематографѣ „Европейскій Электро-Театръ“:

- 1) Ева Марія.
- 2) Медвѣдья танецъ.
- 3) Ту степь.

— Не играй ты мнѣ, — скажетъ простодушный слушатель, — Ту степь, а сыграй ты мнѣ эту степь!..

ЖЕНСКОЕ.

Если ты и не забудешь,
Дорогой,
Обо мнѣ,
Не забудь, что ходятъ люди
По другой
Сторонѣ.
Не бросайся мнѣ навстрѣчу,
Не махай
Котелкомъ.
Ты со мною въ этотъ вечеръ,
Такъ и знай,
Не знакомъ.
Я сегодня не узнаю
Глазъ твоихъ,
Милыхъ рукъ.
Но я сдѣлаю, гуляя,
Изъ-за нихъ
Этотъ крюкъ.
Мнѣ совсѣмъ не по дорогѣ,
Милый другъ,
Дорогой;
Но хочу твою тревогу
И испугъ
Видѣть твой.
Я съ другимъ, ну что-жъ такое!
Поревнуй!
И вкуснѣе будетъ вдвое
Завтра твой
Поцѣлуй.

Потемкинъ.

ПРО СТАРУХУ ЗНАКОМУЮ И ПРО АВОСЬКУ.

СКАЗКА.

Ходитъ Авоська, мыкается. Мыкается — на все натыкается. Натыкается — со всякимъ встрѣчается.

Шапка набекрень: вотъ-вотъ свалится; одна штанина въ сапогъ заткнута, другая надъ лаптемъ болтается.

Ходитъ Авоська — головой встряхиваетъ, руками размахиваетъ и гнусавитъ, сплевывая:

— Не Авоська я, а Авосенька!.. Не Авосенька я, а Авось Авосьевичъ!..

И всѣ встрѣчные-поперечные низко ему кланяются, шапку ломаютъ, гудятъ привѣтливо:

— Здравствуйте, Авось нашъ Авосьевичъ!.. Здравствуйте - баринъ батюшка, здравствуйте, кормилецъ

нашъ родной!.. Пособи намъ Авось, свѣтъ Авосьевичъ!..

Ухмыльнется Авоська, руками помашетъ, въ затылкѣ почешетъ, по плечу похлопаетъ всякаго и взбодритъ весело:

— Ничего, ребята, какъ-нибудь оборудуется!..

Заблудится Авоська — унывать не станетъ; шапку на затылокъ сдвинетъ и крикнетъ самъ себѣ весело:

— Ничего, другъ Авосенька, какъ-нибудь оборудуется!..

Ходитъ нашъ Авоська на авось, куда глаза глядятъ, оттого со всѣми и встрѣчается.

Брель этакъ-то, посвистываль, руками размахиваль, лаптемъ-сапогомъ притоптываль, головой поматываль и забрель въ самую что ни на есть глушь.

Кругомъ частый ельничекъ, темный ельничекъ... Стоитъ — не шелохнется...

Взглянулъ Авоська искоса: видитъ — чудо-чудное, диво-дивное!..

Сидитъ на лужайкѣ баба здоровенная. Въ обхватъ не охватишь, въ обходъ не обойдешь...

Сидитъ — съ мѣста не сдвинется, сама себя удерживаетъ, сама себя сторожитъ...

Заплѣсневѣла, запаутичилась вся, сиднемъ сидитъ. Глаза растерянные... Сидитъ — знай, покрикиваетъ:

— Ой, убѣгу!.. Ой, себя сторожу!.. Право слово сторожу, а не то убѣгу!..

Поскребалъ въ затылкѣ Авоська, ухмыльнулся и спрашиваетъ:

— Чего ты, тетенька, сама себя сторожишь?.. Вишь, что удумала, глупая!.. Вотъ чудная какая, право!..

А баба, знай, покрикиваетъ:

— Ой, сторожу, а не то убѣгу!..

Разсмѣялся Авоська:

— Слыханное ли дѣло отъ самой себя убѣжать!?

Да ты чья будешь-то, тетенька?..

А баба не понимаетъ:

— Ой, убѣгу... Право слово убѣгу!.. А какъ убѣгу — себя вразъ растеряю!..

— И чего зря орешь?.. Ну и сиди себѣ такъ, когда такъ, непутевая.

Вскрикиваетъ баба несуразная:

— Ой сидѣть стану, сама себя не найду!..

Обалдѣлъ Авоська, нахмурился. А какъ нахмурился — задумался:

— Какъ-же мнѣ быть съ тобой, горемычная?.. Маешься, поди?..

— Какъ не маяться!.. Знамо маюсь, батюшка... Вся расхлябалась, ровно студень въ теплѣ.

Померекалъ Авоська и ляпни:

— Какъ-нибудь ужъ тебя выручу... Двигай за мной, а тамъ видно будетъ.

И пошелъ Авоська поводыремъ, а баба за нимъ пошастала.

Кружили-бродили-бродили-кружили по лѣсу, черезъ пень-колоду плелись: ни зги не видать!..

Кругомъ частый ельничекъ, темный ельничекъ... Стоитъ — не шелохнется...

Шель такъ-то Авоська впередъ, пока въ болото не попалъ. А въ болото попалъ — совсѣмъ пропалъ: съ головой угрязъ.

И съѣли его въ болотѣ томъ ржавыя жданки.

Только лапоть торчитъ, да и тотъ трепаный.

А баба усѣлась надъ болотомъ, сидитъ надъ нимъ, непутевая, смотреть тупо на лапоть, знай вскрикиваетъ:

— Ой, себя сторожу, а не то убѣгу!.. А какъ убѣгу — сама себя не найду... Всю растеряю.

Даже лѣшій и тотъ бабѣ помочь ничѣмъ не могъ, какъ ни старался.

Уперлась баба — ничѣмъ ее не сдвинешь.

Эхъ, нелѣпая баба наша, бабище, жизнь російская, горемычная!..

Ужъ если не помогъ тебѣ нашъ Авосенька, Авось свѣтъ Авосьевичъ, кой чортъ тебѣ поможетъ!

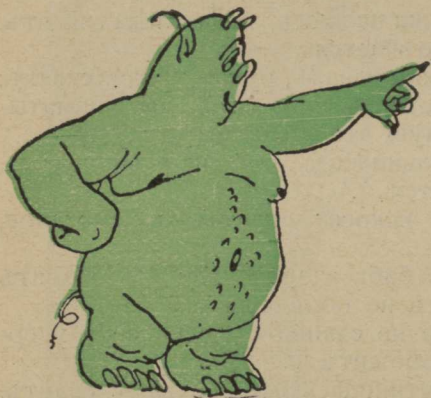
Ну и сиди, пока сама не одумаешься, ну и кричи, пока сама себѣ помочь не думаешь. Сдвинешься — ходко пойдешь — сама себя найдешь... Отыщешься.

Полярный.

Подписка на журнал „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“ на 1914 г.

Объявляя подписку на 1914 годъ, издательство „Новый Сатириконъ“ рѣшило для удобства г.г. подписчиковъ объявить **три серии** бесплатныхъ приложений и премій. Соображаясь съ желаніемъ будущихъ подписчиковъ (по большинству ихъ голосовъ) — Издательство и остановится на той серии, которая покажется подписчикамъ наиболее интересной.

ПОДПИСКА НА 1914 г. 12 КНИГЪ.

СЕРІЯ I.

Въ теченіи 1914 года Издательство даетъ при „Новомъ Сатириконѣ“ безо всякой доплаты:

1) **12 Томовъ** — собраніе сочин.

МАРКА ТВЭНА.

Изящное изд. въ хорошихъ перевод.

2) **Литературный чемпионатъ.**

Большая многокрасочная картина-шаржъ, раб. Ре-Ми.

СЕРІЯ II.

1) Исходя изъ того мнѣнія, что всякій русскій человекъ долженъ знать Россію — Издательство командируетъ своихъ лучшихъ сотрудниковъ въ большую поѣздку по Россіи — результатомъ чего явится

РОСКОШНО ИЗДАННАЯ КНИГА ПУТЕШЕСТВІЕ САТИРИКОНЦЕВЪ ПО РОССІИ.

(По образцу имѣвшей успѣхъ — „Экспедиціи въ Западную Европу“).

2) Произведенія **М. Ю. Лермонтова въ карикатурахъ.**

Большой альбомъ, къ столѣтію со дня рожденія поэта.

СЕРІЯ III.

1) **ЗООЛОГІЯ** — подъ угломъ зрѣнія Сатириконцевъ. Написанная и иллюстрированная ближайшими сотрудниками журнала.

Большой томъ, съ массой иллюстрацій.

2) **АЛЬБОМЪ** — рисунковъ, иллюстрирующихъ **СЕМЬ СМЕРТНЫХЪ ГРѢХОВЪ.**

Рисунки будутъ заключены въ изящную папку. Изданіе въ краскахъ.

3) Оригинальный иллюстрированный **Календарь - альманахъ** на 1914 годъ.

При участіи лучшихъ русскихъ юмористовъ.

Издательство проситъ лицъ, желающихъ подписаться на „Новый Сатириконъ“ на 1914 г. — указать до 1 декабря с. г., какую серію они находятъ наиболее интересной.

Издательство.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ дост.) 6 р. Съ перес. и дост. 6 р. 50 к., полгода 3 р. 25 к., 3 мѣс. 1 р. 75 к. 1 мѣс., 60 коп. Цѣна № въ розничной продажѣ 15 коп.

Адресъ конторы и редакціи: СПБ., Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.

Жертва времени.

Раньше мой отец орудовалъ при помощи простаго лома. Я знаю химию, теорію взрывчатыхъ веществъ, слесарное искусство, минералогію, а моему сыну навѣрно будетъ расчетъ сдѣлаться честнымъ человѣкомъ и занять каѳедру химіи въ какомъ-нибудь училищѣ.

Правительство хитро проводитъ свой планъ обязательнаго обученія народа.

Kladderadatsch.

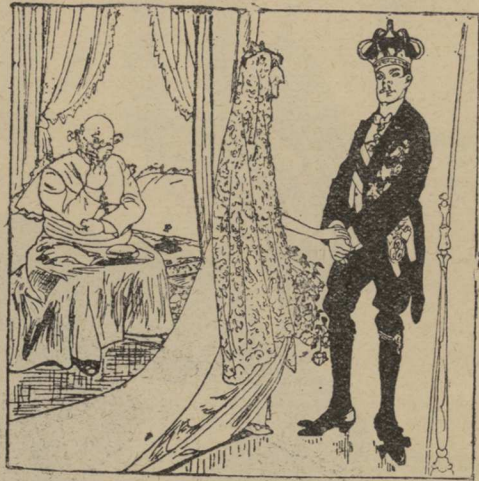

Новая дружба.

Фердинандъ : — Какъ это случилось, что мы стали такими друзьями ?

Султанъ : — Что-жъ такого... Мы стали теперь квиты. Вы отняли у меня землю при помощи солдатъ, а я отнялъ ваши завоеванія при помощи австрійской дипломатіи.

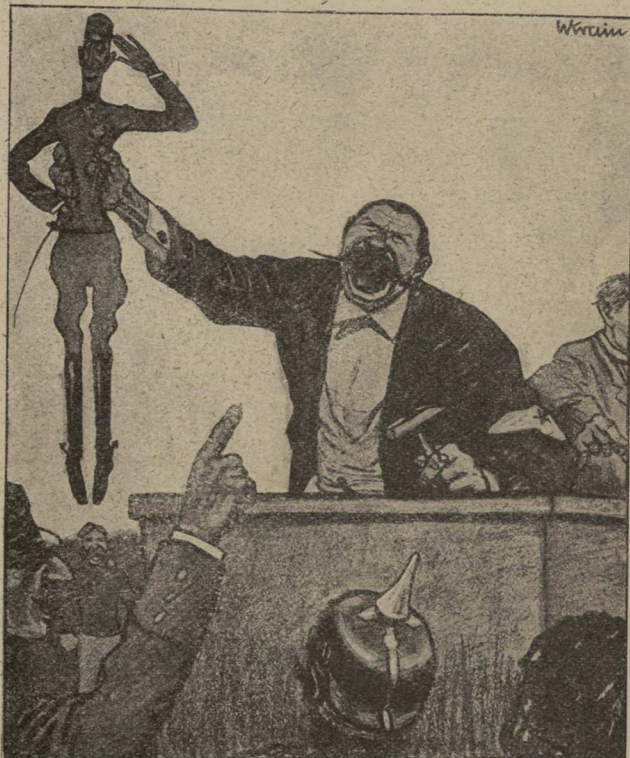
Simplicissimus

Молодожены.

Мануэль : — Теперь, дорогая, намъ остается только получить португальскій престолъ.

Jugend.

Аукціонъ Испаніи.

Оцѣнщикъ : — Кто покупаетъ Испанію, какъ союзницу ?

Нѣмецъ : — Я даю 50 милл.

Оцѣнщикъ : — 50 милл. Кто больше ?! Разъ, два, три.

Франція : — Даю 100 милл. Надо выручить друга. Онъ покупалъ у меня столько автомобилей и столько давалъ матерьяла для бульварныхъ кафэ-шантановъ.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 98. Телефонъ № 59-07.

Находятся въ печати и въ скоромъ времени выйдутъ :

Дмитрій Цензоръ.
„ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.

ЛИРИКА.
Изд. Аркадія Аверченко.
Обложка худ. Исхонина. Цѣна 1 р. 25 к.

Аркадій Аверченко.
„СБОРНИКЪ ОДНОАКТНЫХЪ ПЬЕСЪ“.

Томъ I-й. Третье изданіе. Цѣна 2 руб.

Фома Опискинъ.
„СОРНЫЯ ТРАВЫ“.

Разказы. Съ портретомъ автора и предисловіемъ.

Аркадій Аверченко.
РАЗКАЗЫ. 12 ВЫПУСКОВЪ.

(Всѣ выпуски—изданіе 3-е—5-е). Цѣна каждаго выпуска 10 к.

ИСТИННЫИ ШИКЪ.

Она: — Ну, какъ прошла въ театрѣ твоя новая пьеса?
Онъ: — О! Съ шикомъ.
Она! — Такъ, такъ. И много шикали?